

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
А65

Компьютерный дизайн обложки
Чаругиной Анастасии

Андреева, Наталья Вячеславовна.

А65 Автор! : роман / Наталья Андреева. —
Москва : Издательство АСТ, 2017. — 416 с. —
(Бестселлеры Натальи Андреевой.)

ISBN 978-5-17-101881-8

Когда человеку скучно, он начинает развлекать себя самыми экзотическими способами. Один из них — игра со смертью.

Павел Клишин написал роман о том, как его убили. Он обвинил всех своих знакомых, заранее подбросив им улики, лишив их алиби.

Хотел ли автор умереть или это всего лишь разыгравшееся воображение тщеславного человека?

Жизнь внесла свои коррективы в его планы и сама поставила точку в конце этого романа.

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-17-101881-8 © Н. Андреева, 2017
© ООО «Издательство АСТ», 2017

Пролог

«...Пальцы мои скрючены и похожи на клешни вареного рака, их можно вывернуть с хрустом, обсосать и отбросить прочь. Признаться, я не люблю вареных раков. Я люблю воблу и пиво, то есть любил, а сейчас уже ничего и никого не люблю. Я лежу на полу, неприятно пахнущий смертью и отвратительный на ощупь, негнувшийся и холодный. Мой взгляд остыл, как чай, принесенный в купе с большим опозданием нерадивой проводницей. Я еду в Вечность. Мои соседи по купе: круглый стол на четырех «пьяных» ножках, продавленный диван, старый буфет, на стенках которого фанера пошла пузырями, да остов этажерки, добрая половина ее полок сгнила и провалилась. Нет, я не бедный и не жадный. Эти вещи дороги мне как память о моих родственниках, которые ушли из жизни не при столь драматичных обстоятельствах, а как все нормальные люди, то есть умерли своей смертью. В отличие от меня.

Мои соседи по купе остались посмотреть на ту суету, что подняли вокруг моего мертвого тела тупые люди с тусклыми рыбьими глазами. Купе — это я так, для образности мыслей. Я же все-таки писатель — а писателю положено быть оригинальным. Если только он не сочиняет истории, удобоваримые для желудков простых смертных, и не вываливает их на прилавки, словно дешевую колбасу. Нате! Режьте и ешьте! Хоть целиком, хоть кусками!

Что же касается места действия... Конечно, это не купе спального вагона. Это кухня на моей собственной даче. Где я лежу сейчас мертвый. Но все равно что еду. В Вечность.

Они приехали, скорее всего, рано утром. Вошли, огляделись и осторожно, чтобы не затоптать следы, стали осматривать место происшествия. Увидели на круглой столешнице два бокала и тут же закричали: «Ага!» Два бокала и пепельница из дешевого синего стекла. Эту пепельницу моему покойному, как ныне и я, отцу вручили на работе сослуживицы. Подарок ко Дню Советской Армии в обмен на цветы и шоколадки им же к грядущему празднику Восьмое марта.

Тоже память. Они, то есть сыщики, сказали «ага!» и кинулись к пепельнице. Разве они не маньяки? Фетишисты, которые носятся с каким-нибудь окурком, либо волоском с чужой головы и пытаются доказать, что все было именно так, как они думают. Мне смешно! О пепельница! Я презирал тебя, словно дешевую шлюху, стряхивая пепел в твоё гнилое нутро и тыкая, не глядя, туда же обгоревшие спички. А теперь тебя, почти как порядочную женщину, осторожно и с почтением вытряхивают на чистый лист бумаги. Белоснежный. Поздравляю! После смерти своего последнего владельца ты вновь стала девственницей!

Сыщики же все ходят вокруг моего тела, нарезают круги, словно акулы, и пытаются понять, отчего я умер. Человек, который нюхает пустой бокал, должно быть, эксперт. Все они алкоголики. И мерзавцы. Ненавижу... Впрочем, я ненавижу всех, все человечество. Есть такая болезнь: рак души. Она ничем не выдает признаков гниения в организме вполне живого и цветущего на вид человека, но тем не менее смертельна. А тело мое... Оно в полном порядке. Всегда было в порядке. Если бы они знали, какое это было тело, прежде чем стать никем, просто мешком с костями! Как любили его женщины и как презирал его я. Я, чья Вселенская Душа случайно попала в эту скотскую племенную оболочку! Им ничего не

понять и ни о чем не догадаться, этим ментам. Им, сырым, пришедшим сюда с улицы в грязных ботинках, потому что с раннего утра шел дождь. Я это знаю. И дождь, он тоже на моей стороне. Впрочем, мне уже все равно.

Холодно мне? Страшно? Нет! Я обрел наконец покой. Гармонию, которую не мог обрести при жизни. Тела и души. Они могут делать со мной все, что захотят. Даже распороть ножом мешок из кожи, весьма гармонично наполненный мясом и костями, и копаться в его содержимом. Да на здоровье! Я и сам могу с полной ответственностью и под присягой сказать, что это был яд. Тот самый, знаменитый цианистый калий. Сверкающий цианид. Герой многочисленных детективов. О ядовитости которого знает и ребенок. Не знает только, где его можно достать, к счастью для соседа по парте, который не дет списать. Бокал, в который подсыпали цианид, вот он! Браво, эксперт! Ты определил по запаху то, что я узнал по вкусу, едва только напиток оказался у меня во рту. Машинально я его проглотил. Не надо тратить понапрасну народные деньги, покупать дорогие реактивы, корпеть над многостраничным заключением. Признаюсь честно — это был цианид. Радуйтесь, что все так просто! Да и время смерти помню точно: новый день я так и не смог начать, а старый не смог закончить. От него осталась еще пара самых неинтересных часов. Должно быть, они были мне не нужны. Так счел Господь, который отнял у меня жизнь. Руками любимого своего творения — человека.

В моем уютном доме холодно и пусто. Почему уютном? Потому что в нем никогда не было законной женской руки. То есть руки законной жены. Все какие-то случайные женские руки, создающие видимость порядка и уюта на тот короткий отведенный им срок, который я всегда спешил еще больше сократить. Вы найдете повсюду следы этих рук и принадлежащие их обладательницам не слишком лелеемые мною вещи. И сами удивитесь, как много в моей жизни было

чужого присутствия и слез при расставании. Которые меня совершенно не трогали. Но это не значит, что меня некому оплакать. Мертвый возлюбленный — хороший повод записаться в монахи. А женщины любят выстраивать из своих страданий монастырь и запираются в нем ото всех мужчин, если один вдруг оказался сволочью. Они очень любят нас обобщать, эти женщины. Мол, все мужики козлы. А мы не любим их разочаровывать. И в самом деле становимся козлами.

Итак, отчего же я все-таки умер? И как? Милиция до этого не додумается, куда им! Не скажу, что у меня богатый опыт общения с представителями законной власти, но в их ум, честь и совесть я давно не верю. Равно как и в гениальных сыщиков. Но справедливость должна восторжествовать, тайна моей смерти должна быть раскрыта. И помогу вам я сам. Я, Павел Клишин.

Потому что знаю, как все это было. Вам нужен свидетель? Он перед вами, и он же жертва. Мертвый, недвижимый, но самый болтливый и самый правдивый. Потому что не заинтересован больше ни в каких материальных благах, только в истине и еще кое в чем. Но об этом после.

Итак, слушайте:

«Мое тело лежит...»

Глава первая

Пашин сосед

1

Ранним июньским утром полусонный Алексей Леонидов проследовал в сад и, стоя меж старых яблонь, вдохнул полной грудью упоительно свежий воздух. Весна была такая холодная, что появилось ощущение, будто тепла не будет. Вообще. В начале мая пошел снег, потом были сильные заморозки, и все процессы в живых организмах приостановились. Переход к любимому времени года — лету — прошел незамеченным. Теперь Алексей стоял посреди цветущего сада и приходил в восторг, постепенно осознавая, что наступило лето.

Всю эту неделю Леонидов провел на работе. Все проводят дневное время на работе, ничего странного в этом нет. Но дело в том, что он проводил на работе гораздо больше положенного времени. К великому неудовольствию жены. Это закончилось неизбежным — ссорой. В результате которой каждый остался при своем: он при работе, жена при домашнем хозяйстве. Но втайне оба решили отомстить. Алексей стал приезжать домой еще позже,

и тогда жена и сын в отместку отбыли на дачу. Оставив его один на один с бытовыми проблемами. Впрочем, со своим домашним хозяйством Леонидов разделался просто. По-мужски. Стал покупать готовый ужин в ресторанах быстрого питания, либо готовые шницели в кулинарии, старался поменьше пользоваться посудой, благо готовая еда вся в контейнерах, и не замечать пыли на экране телевизора. Коммерческие дела навалились, дома никто не ждал, не спешил выговаривать, что Леонидов стал похож на привидение, которое появляется в полночь и пугает домашних кровавым криком: «Хочу есть!», а с первым лучом света исчезает. Теперь он задерживался в своем кабинете, сколько было нужно, наслаждался свободой и отсутствием упреков. И так длилось неделю. А потом Алексей невольно затосковал. Для чего это все? Для кого он старается? Для семьи! А семьи нет, семья не оценит. Это нечестно. Родные и близкие должны быть в курсе принесенных им жертв. И в пятницу вечером Леонидов рванул на дачу, хвастаться своими победами. О поражениях герои трудового фронта, как правило, умалчивают.

До сегодняшнего утра Алексей был уверен, что на улице по-прежнему холодно. И считал, что еще живет в весне. По утрам, заводя машину, и поздно вечером, паркуясь у дома, он спешил в тепло. А на дачу приехал глубокой ночью, поужинал, лег в постель и мгновенно уснул. Рассказ о подвигах Алексей оставил на десерт, который был подан женой, но не съеден. Силенок не хватило. Равно как и на рассказ.

Проснулся Леонидов в восемь часов утра, повинуясь привычке, позволил себе еще часок поваляться в постели рядом с теплой, полусонной женой и, умывшись ключевой водой из старого медного умывальника, вышел в сад. Вот тут-то и вырвалось у него это «ах!». Ах, яблони-то успели не только зацвести, но и усыпать бело-розовыми лепестками всю траву в саду! Которая успела вырасти по пояс! А это значит, что ее надо косить. Коси коса, пока роса... Эта роса лежала в особенно крупных листьях, как в чашах, посылая маленькую радугу прямо в зрачок. А вокруг... Вокруг непрерывно что-то жужжало, царапалось, стрекотало... Да так, что Алексей невольно встал на цыпочки. И взгляделся в высокую траву. «Эк вас как много-то! Сплошное движение, точно на оживленной магистрали! Где я? Медом пахнет! Да откуда здесь мед, если у нас в саду и ульев-то нет? Мать честная, а ведь это лето пришло!»

Он сообразил, что восхитительный запах идет от одуванчиков, яичными желтками покрывших траву. А белки опавшего яблоневого цвета пенились по всему саду. Эта млеющая на утреннем солнце гигантская глазунья и пахла медом. Над ней деловито кружили пчелы.

— Жить хорошо! — вслух сказал он. Потому что никто его не слышал и можно было позволить себе говорить банальности.

Ведь стоит огласить сию великую тайну, как тут же найдутся желающие ее оспорить и посмеяться над везунчиком. Хорошо тебе, да? В Африке дети голодают. Да и на родине не спокойно. Далеко не всем повезло работать коммерческими директорами.

Алексей сладко вздохнул и замер, прислушиваясь к звукам согревшегося и проросшего сразу во всех направлениях сада.

Но вдруг...

В чарующую симфонию лета вторглось что-то инородное. Звук, который Леонидов без колебаний назвал бы лишним. Сердце летнего утра невольно забилося, затрепетало: за старым, покосившимся забором послышались звуки города. Алексей охотно пропустил бы мимо ушей рокот моторов. Но голоса... Голоса его насторожили. А главное то, что именно говорили приехавшие на соседний участок люди. Это было что-то из прошлой жизни. Из неудачной карьеры оперативного работника, мента. Неудачной — потому Алексей из органов уволился.

Он подошел к забору, возле которого густо росли вишневые деревья, и осторожно раздвинул ветки. В данном случае это было не любопытство, сработал инстинкт самосохранения. Там, у дома соседа, угадывалось какое-то движение, но в суть его так же трудно было проникнуть, как в сплетение тугих ветвей. Зачем они здесь, эти люди? Что там такое случилось, если понадобилось вызывать милицию? Уйдя из оперов, «с земли», Леонидов дал себе слово ни во что не вмешиваться. Вздохнув, он отпустил ветки, которые, распрямившись, тут же закрыли обзор. Не спеша Алексей направился в дом, чувствуя, как потяжелели от влаги кроссовки. Коси коса, пока роса...

Саша уже встала. Она была на четвертом месяце беременности, под слабо завязанным пояском домашнего халатика угадывался не-

большой животик. Алексей, конечно, за нее волновался. Одна, на даче, на четвертом месяце! Мама Алексея уехала в санаторий. Он давно ей это обещал, а тут подвернулся случай, и деньги нашлись, которых раньше не было. Саша сказала: «Лучше сейчас, когда у меня срок небольшой, чем в конце лета». Алексей ее понял. Почему-то его жена и мать не слишком ладили. Вот ведь — обе замечательные женщины! И так похожи в своей замечательности, что никак не могут найти общий язык! Впрочем, Саша справлялась и одна. Острый токсикоз первых трех месяцев уже прошел, чувствовала она себя прекрасно, расцвела и похорошела. Алексей клятвенно заверил, что скоро выпросит у Серебряковой отпуск.

Саша варила овсяную кашу на электрической плитке и то и дело с аппетитом облизывала ложку. Сережка носился вокруг дома, ожидая друга, который обещал принести водяной пистолет. Алексей тоже обещал привезти ему эту игрушку и опять, зараза, забыл! С памятью что-то случилось, когда на Леонидова навалилось столько коммерческих дел. Он потянул носом весьма аппетитный запах и сказал:

— Сашка, кончай оближивать ложку! Ты все слопаешь, пока каша варится, и нам с Серегой не хватит.

Он вдруг почувствовал, что голоден, как волк. Так надоели чизбургеры, гамбургеры!.. Хочется простой овсяной каши!

— Все равно половина моя, — сказала жена.

— Это с чего же половина?

Алексей свято соблюдал правила игры. Он якобы забывает о ее беременности, она в шут-

ку его ругает. Беременным женщинам надо во всем потакать.

— Нас двое. — Саша погладила себя по животу, вздохнула и снова облизнула ложку. — А ты зачем поднялся в такую рань?

— В саду хорошо... И давно у нас такая погода? — Саша засмеялась:

— Лешка, ну ты даешь! Да уже с неделю! Ты что, гном?

— Почему гном? — слегка обиделся мало-рослый Леонидов.

— Подземный житель. Сидишь на мешках с деньгами и никуда не можешь отойти.

— Разве я маленький и горбатый? Нет, ты посмотри, посмотри! — Леонидов расправил плечи и втянул живот.

— Да куда там смотреть? Зарядку небось делать давно перестал?

Это была святая правда. Новоиспеченному коммерческому директору крупной частной фирмы было не до физкультуры.

— Не наступай мне на большую мозоль, — тяжело вздохнул он. — Кстати, я похудел.

— Да? — прищурилась Саша. — Я не заметила.

— Ах ты... — Алексей попытался ее обнять.

— Лешка, отстань! Каша сгорит!

— Все равно мне не достанется, я и бутерброды поем.

— Алексей! Сережка ведь войдет...

— А мы потихоньку... Хочу целоваться... Я соскучился...

И он в самом деле полез к любимой жене с поцелуями. Она продолжала отбиваться.

— Нечего было спать ночью.

— Сашенька, я не хотел, оно само так получилось. Прилег на минутку, думал тебя дождаться, и — хлоп! Очнулся утром, а ты так сладко спала, что жалко стало будить.

— Устал?

Он тяжело вздохнул:

— Ты же знаешь, я никогда раньше этим не занимался. Но если меня запрягли, я все равно повезу, сколько бы ни навалили на мой воз. Характер такой.

— Не жалеешь, что Серебрякова тебя тогда сманила?

— Нет, Сашенька, меня не сманивали, я сам полез. Хотя на символических дверях в новую жизнь висел огромный плакат с изображением черепа, скрещенных костей и предостерегающей надписью: «Не влезай, убьет!» Поганая вещь — самолюбие. Доходу от него никакого, одни неприятности. Все время что-то кому-то доказываем. Себе же во вред.

— Значит, пожалел? — спросила жена, помешивая кашу.

— Ты-то довольна? Зарплата коммерческого директора — это тебе не ментовское жалование. А как вас, три рта, прокормить? — Он погладил Сашу по животу.

— Ох, сварилась уже! — Она, подхватив полотенцем кастрюльку, побежала в дом.

— Сережка, иди есть! — крикнул в окно Алексей.

За завтраком жена сказала:

— Леша, у тебя усталый вид.

— Обычный, — отмахнулся он. — Бессонницей не страдаю, очень даже наоборот. Малыш, ты не переживай, у меня еще огромный

